

© Н. С. БЕЛЬСКАЯ

Тюменский государственный университет
nicole_belskaya@mail.ru

УДК 82-312.1

**ПОЭТИКА И КОНЦЕПТОСФЕРА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ
ПРОЗЫ В. А. СОЛОУХИНА 1960-Х ГГ.
(На материале цикла «Созерцание чуда» — этюды о природе)**

**POETICS AND CONCEPTUAL SPHERE OF ONTOLOGICAL
PROSE OF 1960s BY V. A. SOLOUKHIN
(On the material of the cycle
«Contemplation of Miracle» — essays on nature)**

Статья посвящена характерным особенностям поэтики и концептосферы прозы В. А. Солоухина 1960-х гг. Писатель искусно сочетал традиции классической русской художественной школы, европейского авангарда 1960-х гг. (Новый Роман) и эссеистический метод письма. Он использовал ризоматическую модель художественной целостности произведения, когда нарратив разрастается естественно, привольно, непредсказуемо, подобно хитросплетениям ветвей, а повествователь является одновременно хранителем культурной памяти, публицистом, историком, литературоведом, философом и собеседником, стремящимся создать диалог с читателем. Солоухин понимал творческий процесс писателя как извечную практику текста и герменевтику нарратива, которые разрушают барьеры между элитной и массовой литературой. Его этюды о природе, объединенные в цикл «Созерцание чуда» («Третья охота», «Трава», «Григоровы острова»), характеризуются осциллированием художественного и безыскусного на грани автобиографической повести, исторической хроники, текстологического исследования, дневника, очерка обычаев и традиций, публицистического и философского эссе.

The article is devoted to the characteristic features of poetics and conceptual sphere of V. A. Soloukhin's prose in 1960s. The writer skillfully synthesized traditions of classical Russian literature, the European avant-garde of the 1960s and a method of essay writing. He used the rhizome model of creativity, his storyteller is the keeper of cultural memory, publicist, historian, literary critic, philosopher and interlocutor who creates a dialog with the reader. Soloukhin understands the process of writing as the eternal practice of text that destroys borders between

elite and mass literature. His essays on Nature are characterized by a fluctuation of art and non-art at the edge of an autobiographical story, a historical chronicle, literary research, a diary, a sketch of customs and life, a publicistic and philosophical essay.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Проза В. А. Солоухина, цикл «Созерцание чуда», Природный текст, нарратив, интертекст.

KEY WORDS. V. A. Soloukhin's prose, «The contemplation of miracle», a text on Nature, a narrative, intertext.

Своеобразие прозы В. А. Солоухина 1960-х гг. состоит в обращенности к традициям не только русской художественной школы, но и мировой литературы, реализуемой жанровым синтезом принципов русской художественной школы и западноевропейского модернизма «второй волны», во Франции представленного литературным направлением Нового Романа. Поэтому книги Солоухина представляют особый интерес для читателя, готового воспринимать обильные и значимые реминисценции. Творческое рецепция литературного и, шире, культурного дискурса выводит на первый план в его произведениях коммуникативное, диалектическое начало.

Отнюдь не случайностью выглядит то, что в рамках одной культурной эпохи увидели свет «Трава» В. А. Солоухина (1972) и «Трава» Клода Симона (*L'herbe*, 1958). Роман «Трава» — одно из программных произведений К. Симона, виднейшего представителя французского Нового Романа. А.Г. Вишняков отмечает, что в творчестве К. Симона 1960-х гг. можно выделить «Трилогию первоэлементов» (курсив авт.), в которой важнейшим контрапунктом проходят лейтмотивы «Земля и люди, *Натура и культура* (курсив авт.)». Излишним было бы вдаваться в разъяснения о том, насколько эти лейтмотивы актуальны в аспекте философско-этического кода «трилогии» В. А. Солоухина «Созерцание чуда» («Третья охота», «Трава», «Григорьевы острова»), ранее опубликованной в Собрании сочинений с подзаголовком «Этюды о природе» [1]. Анализируя функцию романа «Трава» в писательской концепции К. Симона, ученый приходит к выводу о том, что «Симон как бы задержался в своем пути наощупь, чтобы лечь в луговую траву и погрузиться в микромир. Но опыт «Ветра» ощутим в «Траве», и сквозь ее микрокосм виден макрокосм еще во многом нераскрывшегося симоновского Универсума» [2, с. 183, 184].

Важнейшая проблема поэтики К. Симона — «элементарное в его неразрывной связи с символическим и темой времени» [2, с. 184]. Тем более интересно, что Нобелевский лауреат 1985 г. Клод Симон раскрывает проблематику своего произведения сквозь диалог русской и европейской культур: прообразом одной из главных для творчества К. Симона идеи вставленности, открытости друг в друге различных уровней мировосприятия, поразившим его во время первой поездки в Россию, стала упомянутая в зачине романа «Ветер» русская матрешка [2, с. 177, 178].

Тексты этюдов о природе В. А. Солоухина, в свою очередь, представляют собой «упоминательную клавиатуру» (О. Э. Мандельштам) — сложнооргани-

зованное интертекстуальное поле. Так, писатель эксплицитно вводит французский интертекст, цитируя «Разум цветов» М. Метерлинка [3, с. 138, 186, 189, 229, 230, 242, 243, 250-252], «Книги трав» Ж. Бока [3, с. 142], «До того, как умрет природа» Ж. Дорста [3, с. 194-196]. Нельзя не обратить внимания и на проявление в цикле «Созерцание чуда» черт, свойственных модернистской поэтике Нового Романа (и Новых Мемуаров): одержимость реальностью и поиск адекватной мировоззрению центростремительной формы повествования, образующей диалог с читателем, который сам становится собирателем концептосферы определенного сверхтекста; герменевтика себя и практика себя; импровизационный принцип организации текстового пространства и композиционная свобода построения текста — рассказ может быть возобновлен «с любого места», продолжен в любом направлении; лейтмотив множественной реальности, который образует множественные фрагменты реальности, истории как нарратива; понятие возникающей жизненной связи; одиссея определенных тем, историй, книг — одиссея слова; коллажная форма автобиографического повествования, объединяющая в тексте события, воспоминания, фрагменты чужого текста.

Взаимозависимость поля культуры и культурной онтологии сознания человека *воспринимающего*, действующего в данном времени и пространстве, — один из основных лейтмотивов Солоухина. Именно по этому принципу художественное целое текста «Травы» зиждется на каркасе разветвляющихся лучей и точек, в качестве которых предстают пространственные выдержки и извлечения из естественнонаучных и художественных текстов — «Разум цветов» М. Метерлинка, «Полевые и лесные цветы» С. Мэтьюза, «Жизнь растений» К. Тимирязева, речь Эффенди Капиева, произведения А. Куприна, Л. Толстого, И. Бунина, Л. Леонова, А. Толстого. Здесь же говорят профессор И. И. Гунар, заведующий кафедрой физиологии растений Тимирязевской академии, и Александра Колоколова — врач-травница, и начальник Управления лугов и пастбищ Министерства сельского хозяйства РСФСР П. Усынин, играют свои роли басня Крылова «Листы и корни» и детская книга «Увлекательная астрономия», разножанровые «замечки в популярном журнале», ода «суховатыми деловыми словами из травника», дружеская анкета, переписка с Борахвостовым «без начала и конца», что созвучно идее Николая Кузанского о равном онтологическом достоинстве всех вещей (и каждого слова) в мире.

Текст Солоухина принципиально открывает «механику» своего создания, что обусловлено, прежде всего, философским кредо писателя. Так в «Траве» создается образ книги, которая из готового и завершенного текста превращается в протекающий процесс его написания, становящегося и в то же время отрицающего себя самое. Символичным здесь предстает «разъятое» на отдельные буквы-элементы стихотворение «Выхожу один я на дорогу» М. Ю. Лермонтова: строки предстают эмерджентным целым, не равным сумме составляющих его элементов — «атомов», но оживающим в их комбинации и уникальной связи [3, с. 175]. Отсылка к лермонтовскому «образу места» в творческой концепции

В. А. Солоухина подчеркивает особую феноменологизацию природы, которая всегда возникает, как только человек признает ее власть над собой [4].

В концептуальной логике текста трава предстает неким ментальным концептом, частью концептосферы Природного сверхтекста: «Трава — сено, трава — цветы, трава — мурава, трава — красота, трава — пища, трава — одежда, трава — строительный материал, разрыв-трава, плакун-трава, трын-трава, трава — необъемлемая часть природы, трава — загадка природы, трава — жизнь... Какие-нибудь и еще можно назвать грани у такого понятия, как трава. Но ведь должна еще наступить та стадия, когда начнут пониматься не только отдельные слова, не только сами явления, вычитанные в тексте, но и связь между этими явлениями. Сначала внешняя сюжетная связь, а потом все более глубокие, сокровенные связи» [3, с. 304]. Возникновение таких имманентных онтологических связей на уровне сознания, благодаря которым понятие «трава», элементарнейшее, становится концептом, ризомой, даже моделью космоса для В. А. Солоухина — это двигатель и энергетическое ядро текста.

Применительно к поэтике прозы В.А. Солоухина, концептуально сложившейся в 1960-е гг., можно считать актуальным понятие повествования мифологического типа [5], которое свивается, бесконечно повторяя, углубляя одно и то же смысловое ядро. С этим же связано и актуальное для произведений Солоухина явление фиктивного финала. Тенденция не доводить повествование до конца, стремление к продолжению текста «как возможности» всегда присутствует в его произведениях [6, с. 39].

Художественная специфика цикла «Созерцание чуда» состоит также и в том, что текст свободно переключается из образной, лирической системы в научную, естествоиспытательскую, сталкивает их, и поэтому трудно найти в культурном арсенале некий единый «язык» для всего текста, который, по Ю.М. Лотману, говорит многими голосами, и художественный эффект возникает от их соположения. Структурный смысл «чужого слова» здесь раскрывается, прежде всего, в диалогизации художественной речи: «подобно тому как инородное тело, попадая в пересыщенный раствор, вызывает выпадение кристаллов, то есть выявляет собственную структуру растворенного вещества, «чужое слово» своей несовместимостью со структурой текста активизирует эту структуру. В этом смысл тех «соринки», от которых вода становится только чище. Структура неощутима, пока она не сопоставляется с другой структурой или не нарушается. Эти два средства ее активизации составляют самую жизнь художественного текста» [7, с. 112].

Поэтому многочисленные цитирования, извлечения у Солоухина — это не просто интертекст, но определенные культурные артефакты, имеющие своим корнем этическую и эстетическую рефлексию над духовно-природным началом. Как отмечает немецкий ученый М. Фрайзе, главный двигатель такой нарративно-коллекционирования — попытка восстановления потерянного в результате индивидуализации Нового Времени единства с миром [8, с. 7-12].

В классической западной эссенциалистской модели человек понимается как неизменно самотождественный Субъект, Индивид, Личность, онтологи-

чески и антропологически завершенная, и дело его по отношению к себе, собственной природе, есть только ее культивация (окультуривание, возделывание, отесывание) во всех измерениях [9]. Духовные же практики, ориентированные на православную антропологическую модель, определяют человека как всевосприимчивое существо, прозрачное для божьей благодати, отраженной, прежде всего, в гармоничном устройстве природного мира (вспомним Лермонтова — «пустыня внемлет Богу...»).

Сходство между нарративом (фабулой) и коллекционированием в этом смысле действительно определяет поэтику творчества Владимира Солоухина. Ведь его герою свойственны познание или представление об идейной, эстетической или исторической, не доступной другим ценности объектов, которыми предстают слово, символ, концепция, природный первоэлемент, и этим опережением начинаются его гениальные коллекции как творческий метод в произведениях 1960-70-х гг.

Таким образом, Солоухин создает текст-палимпсест, где взаимоналожение чужого слова вскрывает особое межтекстовое художественное пространство, которое можно определить как «Природный текст» (по аналогии с Петербургским, Сибирским и иными транстекстуальными феноменами). Текст («этиюд») о природе у В. А. Солоухина предстает диахроничным и асинтагматичным, что вполне соответствует сверхтексту в интерпретации В. И. Тюпы — как «парадигматическому явлению, по природе своей аналогичному мифу, в том числе и своей анонимностью, так как никто из авторов интегрированных субтекстов не может быть признан автором интертекста» [10, с. 253]. Отказывается от роли автора «книги о траве» и сам Солоухин, в лице героя-повествователя «путем абсолютного разыгрывания между чужой речью и авторским контекстом» [11, с. 136-146] устанавливая отношения собственного голоса-слова с чужим абсолютно равноправно, аналогично отношению одной реплики к другой в диалоге.

Как представляется, наиболее близко к подобному осмыслению проблематики произведений В. А. Солоухина подошла Н. А. Куделько, подметив на материале более поздних рассказов, что «тема природы дается Солоухиным в нравственном аспекте». Согласно исследователю, «по сравнению с Паустовским, для которого пейзаж — один из главных героев произведения, изображение природы у Солоухина играет роль вспомогательную, роль психологической и нравственной характеристики героев. И если Паустовский развивает в своей прозе линию русского пейзажа, восходящую к пейзажу-впечатлению Тургенева, то Солоухину ближе пейзажи «Записок охотника», не менее эмоциональные, но имеющие объективно-описательный характер <...> К тому же природа у Солоухина, как у Тургенева и Паустовского, неотделима от чувства родины» [12, с. 13].

С позиций интертекстовой аналитики как методологического подхода Природа в цикле «Созерцание чуда» В. А. Солоухина, безусловно, являясь конкретизированной на тематическом уровне текста, в концептосфере произведений образует сверхтекст, соотносимый не столько с национальной, сколько с общечеловеческой идентичностью. Избегая легко эстетизируемых вещей, писатель

последовательно воплотил концепцию совершаемого самой высшей частью ума человека созерцания природных корней мира «как стремления к смене онтологий, к выходу из мира, чреватого разрушением и смертью, к восстановлению самого мира» [б, с. 42] через непосредственное писательство, слово-мир — феноменологически телесный, вещественный, природный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Солоухин В. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. Прекрасная Адыгене: Повесть; Третья охота; Григоровы острова; Трава: Этюды о природе. М.: Худож. лит., 1984. 519 с.
2. Вишняков А. Г. Поэтика французского Нового Романа. М.: ООО «Диона», 2007. 288 с.
3. Солоухин В. А. Созерцание чуда. М.: Современник, 1986. 400 с.
4. Эртнер Е. Н. Традиция восприятия Сибири как «царства» и «страны» Г. Ф. Миллера в литературе Тюменского края XVIII-XIX столетий // AUS SIBIRIEN. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2005/ertner-e.n.-tyumen-rossiya-tradiciya-vospriyatiya>
5. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство — СПб, 2002. 768 с.
6. Карасев Л. В. Текст и энергия // Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 400 с.
7. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэт. текста / Ю. М. Лотман, М. Л. Гаспаров. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846с.
8. Фрайзе М. Если бы наррация была коллекционированием // Новый филологический вестник. № 3 (26). 2013. С. 7-14.
9. Хоружий С. С. Православная аскеза — ключ к новому видению человека. Сб. авторских статей. М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wco.ru/biblio>.
10. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фактов высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 336 с.
11. Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 190 с.
12. Куделько Н. А. И. С. Тургенев и советская литература (на примере произведений К. Г. Паустовского и В. А. Солоухина): автореф. дис. ... канд. филол. н. М.: Московский Орден Ленина и Ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, 1986. 10 с.

REFERENCES

1. Soloukhin, V. A. Sbranie sochinenij. V 4-h t. T. 4: Prekrasnaja Adygene: Povest'; Tret'ja ohota; Grigorovy ostrova; Trava: Etjudy o prirode [Collected Works. In 4 volumes. Vol. 4: The Beautiful Adygene: Story; The Third Hunt; Grigorov's islands; Grass: Essays on Nature]. M.: Hudozh. lit., 1984. 519 p. (in Russian).

2. Vishnjakov, A. G. Poetika frantsuzskogo Novogo Romana [Poetics of a French New Novel]. M.: Diona, 2007. 288 p. (in Russian).
3. Soloukhin, V. A. Sozertsanie chuda [Contemplation of Miracle]. M.: Sovremennik, 1986. 400 p. (in Russian).
4. Ertner, E. N. Traditsija vosprijatija Sibiri kak «tsarstva» i «strany» G. F. Millera v literature Tjumenskogo kraja XVIII-XIX stoletij [Tradition of perceiving Siberia as «Kingdom» and «Country» by G. F. Miller in Tyumen literature of the 18th-19th centuries] // AUS SIBIRIEN. 2005. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2005/ertner-e.n.-tyumen-rossiya-tradiciya-vospriyatiya>. (in Russian).
5. Lotman, Y. M. Istorija i tipologija russoj kul'tury [History and typology of Russian Culture]. SPb.: Iskusstvo — SPB, 2002. 768 p. (in Russian).
6. Karasjev, L. V. Tekst i energija // Veshhestvo literatury [Text and Energy // Substance of Literature]. M.: Jazyki slavjanskoj kultury, 2001. 400 p. (in Russian).
7. Lotman Y. M. O poetah i poezii: Analiz poet. teksta / J. M. Lotman; M. L. Gasparov [On poets and poetry: analysis of a poetic text / Y. M. Lotman; M. L. Gasparov]. SPb.: Iskusstvo – SPB, 1996. 846 p. (in Russian).
8. Freise, M. Esli by narracija byla kollekcionirovaniem // Novyj filologicheskij vestnik [If narration were collecting // New Philological Bulletin]. № 3 (26). 2013. Pp. 7-14. (in Russian).
9. Horuzhyi, S. S. Pravoslavnaja askeza — ključ k novomu videniju čeloveka: sb. avtorskih statej [Orthodox asceticism is the key to a new vision of a human being: a collection of articles]. M., 2000. URL: <http://www.wco.ru/biblio>. (in Russian).
10. Tyupa, V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie dlja studentov filologicheskich fakul'tetov vysshich uchebnyh zavedenij [The analysis of a literary text: a textbook for students of philological faculties of higher educational institutions]. M.: Akademia, 2009. 336 p. (in Russian).
11. Voloshinov, V. N. (Bakhtin, M. M.). Marksizm i filosofija jazyka: osnovnye problemy sotsiologičeskogo metoda v nauke o jazyke [Marxism and the Philosophy of Language: The main problem of the sociological method in language science]. M.: Labirint, 1993. 190 p. (in Russian).
12. Kudelko, N. A. I. S. Turgenev i sovetskaja literatura (na primere proizvedenij K. G. Paustovskogo i V. A. Soloukhina): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [I. S. Turgenev and Soviet literature (on the material of the works by K. G. Paustovskij and V. A. Soloukhin): synopsis of the dis. ... Cand. Sci. (Philol.)]. M., 1986. 10 p. (in Russian).

Автор публикации

Николь Сергеевна Бельская — аспирант кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета

Author of the publication

Nicole S. Belskaya — Post-graduate Student, Department of Russian Literature, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University